

ПЕРСУАЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Для цитирования: Гончарова Е. А. Персуазивный потенциал мультимодальности в немецком политическом дискурсе // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2022. Вып. 12. С. 218–236.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.111>

Цель статьи состоит в изучении особенностей симультанного и комплементарного взаимодействия вербальных и невербальных средств в немецкой политической коммуникации, а также в научном описании мультимодальности как характерной дискурсивно-стилевой приметы политики. В основе методологии представляемого исследования лежит холистический подход к языку как базовой части когнитивно-коммуникативных действий человека, которая всегда сопряжена с паравербальными и невербальными формами сообщения и/или получения информации и общения с другими. В методике научного анализа используются индукция и дедукция, а также суперсегментный и контекстуальный анализ. Материалом для интерпретации служат политические тексты и коммуникативные ситуации из политической жизни современной Германии. Исходя из присущих политическому дискурсу в качестве системообразующих признаков агональности и театральности, автор интерпретирует отдельные виды взаимодействия речи политиков с такими культурно зависимыми семиотическими знаками, как визуальные цветовые символы и лингвоцветовые вторичные номинации, паралингвистические сигналы, детали внешнего облика речевого субъекта, разнообразие формы «языка тела» и др. Устанавливаются дискурсивно обусловленные функции полимодальных коммуникативных средств: информационная функция, функция привлечения внимания, идентифицирующая функция, функция практического аргументирования и эмоционально-ассоциативного воздействия. С помощью многочисленных примеров доказывается тезис о том, что коммуникативные тактики театрализации, сопровождающие речь политика и базирующиеся на паралингвистических, визуальных, кинесических и проксемахических сигналах, формируют не в последнюю очередь имидж политика, который включает в себя не только его речевые особенности, но и искусно обыгрываемые индивидуально-психологические черты, а также вырабатываемые с помощью политтехнологов и имиджмейкеров особенности внешности и поведения личности. Кумулятивное сочетание вербальных и невербальных коммуникативных средств с харизматическим поведением политика в значительной степени повышает персуазивный потенциал публичных выступлений и действий политических фигур.

Ключевые слова: полимодальность, семиотический ресурс, политический дискурс, лингвоцветовая символика, агональность, театральность.

THE PERSUASIVE POTENTIAL OF MULTIMODALITY IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

For citation: Goncharova E. A. The persuasive potential of multimodality in German political discourse. *German Philology in St Petersburg State University*, 2022, iss. 12, pp. 218–236. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.111> (In Russian)

The article aims at studying the features of the simultaneous and complementary interaction of verbal and non-verbal means in German political communication and the scientific description of multimodality as a characteristic discourse-style sign of politics. The methodology of the presented study is based on a holistic approach to language as the essential part of human cognitive-communicative actions, which always involves paraverbal and non-verbal forms of providing and/or obtaining information and communicating with others. The method of scientific analysis uses induction and deduction and suprasegmental and contextual analysis. The material for interpretation is political texts and communicative situations from the political life of modern Germany. Based on the agonicity and theatricality as systemic-forming features of political discourse, the author interprets certain types of interaction between politicians' speech and such culturally dependent semiotic signs as visual color symbols and linguocolor secondary nominations, paralinguistic signals, details of the appearance of the speech subject, various forms of "body language", etc. The discursively determined functions of polymodal communicative means are established: information function, attention-attracting function, identifying function, function of practical argumentation and emotional-associative influence. With the help of numerous examples, the assumption that communicative theatrical tactics accompanying the politician's speech and based on paralinguistic, visual, kinesic and proxemic signals form not least the image of the politician, which includes not only his speech features but also the skillfully played individual psychological peculiarities, as well as the characteristics of the personal appearance and behavior developed with the help of political technologists and imagemakers. The cumulative combination of verbal and non-verbal communicative means with the charismatic behavior of a politician significantly increases the persuasive potential of public speeches and actions of political figures.

Keywords: polymodality, semiotic resource, political discourse, language-color symbolism, agonicity, theatricality.

1. Вступление.

Методологическая база и цель исследования

Методологические основания абсолютного большинства современных лингвистических исследований определяются холистическим подходом к языку как базовой части речевых действий и речевого поведения, являющихся конечной целью и практической

реализацией использования человеком языка. Действующий при подобном подходе принцип примата целостности предполагает необходимость учета всех сторон (частей) изучаемого феномена при выявлении его сущности. По отношению к языку это означает, что сосредоточенность только на вербальной стороне коммуникативно-речевых событий (текста и дискурса), из которых состоит реальная «жизнь» языка, во-первых, не дает адекватного представления о специфике протекания процессов «присвоения» языка человеком, сопряженных с иными формами социально и индивидуально обусловленной человеческой деятельности, и, во-вторых, обедняет научное представление о самом языке во всей полноте его семиотических и функциональных проявлений.

В логике холизма язык — только один из «семиотических ресурсов», или «семиотических источников» информации и коммуникации [Halliday 1978], а вербальный канал — не единственный в ряду коммуникативных способов, которыми пользуется речевой субъект для обмена информацией, установления прагматических связей с другими и осуществления воздействия на них. Поэтому нельзя не согласиться с учеными, считающими, что лингвистика в наши дни все острее становится мультимодальной, так как она вовлекает в функционально-прагматическое изучение языка и процессов естественной речевой коммуникации разные модусы языковой субстанции в их симультанных связях с разными каналами невербального сообщения передаваемой информации и общения [Кибрик 2010; Bucher 2011; Mondada 2016; Stöckl 2016; и др.].

В последнее время появляется все больше исследований, в которых дифференцированно рассматриваются информативно-коммуникативные функции разных видов невербальных средств общения и выделяются специальные научные области невербалики, или невербальной семиотики, занимающиеся их изучением: паралингвистика (наука о звуковых кодах), кинесика (наука о жестах и жестовом поведении), окулесика (наука о языке глаз и визуальном поведении людей), аускультация (наука о восприятии звуков и аудиальном поведении людей в процессе коммуникации), гаптика (наука о языке касаний и тактильной коммуникации), гастика (наука о знаковых и культурно-коммуникативных функциях пищи и напитков), ольфакция, или ольфакторика (наука о роли запахов в коммуникации), проксемика (наука о структуре и функциях пространства в общении), хронемика (наука о структурных,

семиотических и культурных функциях времени коммуникации), системология (наука о функциях и смыслах систем объектов, которыми люди окружают свой мир, используя их в процессе общения с другими) [Крейдлин 2002: 22]. Стабильно значительное внимание в отечественной и зарубежной психологии и теории коммуникации уделяется изучению «языка тела», являющегося первичным средством передачи эмоциональных состояний и контактов с другими, а также культурной константой в любом обществе и в любые эпохи, которое нередко может оказать гораздо более сильное воздействие, чем речь, и используется как риторический знак «телесного красноречия» [Андерсен 2011: 26, 434 и др.; Москвин 2012: 50]. К задачам лингвистики, особенно таких ее областей, как теория речевой коммуникации, дискурс-анализ, относится установление с помощью междисциплинарных исследований закономерностей симультанного и комплементарного взаимодействия названных видов невербалики с элементами, конструкциями и стилистическими явлениями языка, которое придает отдельным высказываниям, а также целостным текстам и дискурсам мультимодальный характер.

Цель статьи состоит в научном описании мультимодальности как характерного дискурсивно-стилевого признака политической коммуникации, а также в интерпретации средств реализации мультимодальных принципов в речевой деятельности ее участников, с чем связаны определенные закономерности протекания когниции и коммуникации в этой важной сфере социального существования современного человека. Изучение проблем мультимодальности в подобном ракурсе позволяет, на наш взгляд, не только углубить представление о синкретической природе самого изучаемого явления, но и уточнить существующие в лингвистике выводы о специфике прагматико-семиотической организации отдельных когнитивно-коммуникативных пространств социально-речевой практики.

2. Коммуникативно-прагматические особенности предметной области исследования

Широкое использование в политической коммуникации разных видов мультимодальных средств для передачи информации и организации общения между субъектами политики обусловлено спе-

цифическими социально-прагматическими задачами, решаемыми в этой коммуникативной области. К основополагающим целям политики в первую очередь принадлежат следующие: информационно-пропагандистское воздействие на массового адресата, формирование определенной идеологии и обусловленных ею взглядов социального большинства на определенные события в жизни общества, а также политическая социализация граждан и агитация их к участию в определенных политических акциях. Эти цели осуществляются в процессе деятельности политических институтов или персональных политических субъектов (акторов политики), борющихся либо за оказание влияния на использование и распределение власти в обществе, либо за ее получение и удержание [Грачев 2004; Шейгал 2004; Schulz 2011].

В разных этнокультурах реализация названных целей происходит в некоем общем лингвокогнитивном и коммуникативно-прагматическом (макро)контексте, в пространстве которого постепенно вырабатывается определенное коллективное политическое знание, вырастающее из отдельных, соотнесенных между собой актов социального (надындивидуального) взаимодействия, усиленного прагматикой персуазивного и зачастую манипуляционного воздействия на массовое сознание. Одна из главных отличительных особенностей когнитивно-коммуникативного пространства политики состоит также в том, что коллективное политическое знание формируется в нем обычно в условиях так называемого агонального, или состязательного, общения с повышенным эмоциональным и коммуникативным напряжением речевого поведения его участников, вызванного потребностью риторически аргументированного противостояния политическим оппонентам, а также «инициирования и разрешения социального конфликта, выражения несогласия и протеста против действий властей» [Шейгал 2004: 35].

Агональный характер диалога между политическими акторами с несовпадающими и зачастую конфронтационными политическими установками требует от них обязательного наличия полемических компетенций, то есть не только владения определенным (корпоративным) тезаурусом и умения создавать убедительную языковую канву высказываний текстов, но и искусства сопроводить речевое поведение разными видами паравербальных и невербальных средств, повышающих информационное и персуазив-

ное воздействие, или «практическое аргументирование» [Голоднов 2011: 118], и влияние политика на аудиторию, в которую наряду с непосредственными участниками диалога входят так называемые третьи лица, иначе говоря, члены социума. Сочетание вербальных и невербальных коммуникативных средств с харизматическим поведением политика, к которому некоторые исследователи относят три основных элемента: присутствие, силу и теплоту, — выражаемые, в свою очередь, таким психоэмоциональным состоянием, «которое согласует язык тела, слова и поведение» [Фокс Кабейн 2015: 20], повышает персуазивный потенциал публичных выступлений и действий политических фигур.

Таким образом, агональность коммуникации можно отнести к основным факторам, которые мобилизуют политических акторов к использованию разных видов мультимодально осложненных и нюансированных средств сообщения информации и общения как с политическими оппонентами, так и с главным объектом политического влияния — массовым адресатом.

3. Коммуникативно-прагматические функции цвета и колоративной лексики в сфере политики

Среди средств с полимодальным семантико-прагматическим потенциалом в когнитивном и коммуникативном пространстве политики следует особо выделить широко распространенные в нем визуальные цветовые образы, в основе которых лежит воплощение через цвет представлений об объектах и явлениях политики, входящих в коллективное политическое знание определенных этнокультур. При этом цветовые визуальные образы, бытующие в политической коммуникации как сигналы полимодального текста и дискурса, имеют два вида реализации.

Во-первых, они могут быть представлены как образно-символический информационно-коммуникационный срез политических действий, относящийся к выделяемому в современных исследованиях мультимодальности «визуальному языку», под которым понимается «кодовая система знаков, приобретающих статус нелинейных визуальных образов в процессе коммуникации, передачи информации, ретрансляции знания, выражения оценки, осуществления воздействия и прочих функций» [Журьянович, Драгунайте 2015: 153]. К названному семиотическому слою сообщения инфор-

мации и общения с мультимодальной прагматикой относится, прежде всего, цветовое оформление программных документов, плакатов, листовок политических партий и движений, предметов одежды политических лидеров и др., опирающееся на закрепленную в культурно-исторической традиции политическую цветовую символику, которая «помогает нам освоить мир политики» (нем. «Über Farben erschließen wir uns die Welt des Politischen») [Schüler 2006].

Для цветовой политической символики современной Германии наиболее характерны четыре цвета: красный, черный, желтый и зеленый. Эти цвета, как отмечает уже названный выше немецкий политолог и социолог Бернд Шюлер, «маркируют мировоззренческие позиции» (нем. «Sie... markieren weltanschauliche Positionen») и позволяют «оперативно не только узнавать, но и отличать друг от друга такие абстрактные образования, как партийные организации» (нем. «können abstrakte Gebilde wie Parteiorganisationen nicht nur rasch (wieder)erkannt, sondern auch voneinander unterschieden werden») [Schüler 2006].

Отдельные политики используют цвет в качестве дополнительного коммуникативно-тактического средства политической самоидентификации (знака принадлежности к определенной партии) и привлечения внимания публики к представляемой таким образом политической организации и ее социальной программе. Так, представители Свободной демократической партии (FDP) нередко появляются на публике в желтых пуловерах или с желтым галстуком (желтый — символический цвет либералов); бывший председатель Социал-демократической партии (SDP) и канцлер Германии Герхард Шрёдер, как и многие представители этой партии, предпочитает галстуки красного цвета (цветовой символ социал-демократов). Демонстрация заключительного этапа последних выборов в бундестаг 2021 г. на немецком телевидении сопровождалась на экране желто-красно-зеленым дизайном (кумулятивный цветовой символ политической коалиции социал-демократов, Партии зеленых и Свободной демократической партии) и т. д.

Ко второй группе политических цветовых образов можно отнести вербальные лексико-семантические единицы, обозначающие цвет (*rot, schwarz, gelb, grün, braun*), за которыми, как уже отмечалось выше, в немецком узусе постепенно — в процессе их ситуационно-контекстуального употребления и риторического переосмысления в границах сферы политической коммуникации — закрепилось

метонимическое со-значение, или новая «ассоциативно-стилистическая коннотация» [Гончарова 2010: 161–163]: обозначение соответствующих политических движений, партий и взглядов (например, *gelbe, grüne, rote Partei; die Schwarzen, Grünen; braune Ideologie, braune Gesinnung; die rot-gelb-grüne Koalition* и др.).

Наряду с этим цветовая семиотика в политической коммуникации становится в некоторых случаях стимулом для переосмысления существующих лексико-семантических единиц и получения ими дополнительных смыслов. Так, например, значимое для современной немецкой политической культуры лексико-семантическое стяжение в единой лексеме-прилагательном *rot-gelb-grün* привело к появлению функционально-стилистической коннотации у ассоциативно соотносимого с этим синкретичным лингво-цветовым символом существительного *Ampel*, которое широко используется в современной дискурсивной практике немецкой политики как образное обозначение нового коалиционного политического субъекта. Это существительное вошло в качестве определительной части во многие композиты, привычные для немецкого политического лексикона последнего времени: *Ampelregierung, Ampelparteien, Ampelkoalition, das erste Ampelbündnis, Ampelverhandlungen, Scholz'Ampelkabinett* и др.

Первое официальное публичное выступление представителей правительственной коалиции по немецкому телевидению 25 ноября 2021 г. началось с заявления представителя СДП Олафа Шольца: «*Die Ampel steht!*», — в котором угадываются несколько актуальных социально-политических смыслов: объединение трех партий состоялось; в Германии появился новый государственно-политический союз; политические портфели между представителями коалиции распределены; новый политический курс вступает с настоящего момента в силу. Далее телевизионный репортаж сопровождался бегущей строкой с основными программными лозунгами новой политической коалиции, такими как: *Die Ampel will mit Bürgergeld Grundsicherung erneuern; Die Ampel will Mindestlohn auf zwölf Euro erhöhen; Die Ampel will Stromkunden entlasten*; и т. д., построенными по лингвостилистическому принципу оптативных модальных конструкций с подлежащим — метонимическим олицетворением.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что как метонимические цветообозначения, так и существительное с цветовой

внутренней формой *Ampel* модальны по своей этимологии и прагматическому характеру, поскольку они используются представителями немецкой этнокультуры как вторичные номинации, или кумулятивные вербально-визуальные знаки-символы, отражающие не сами объекты когниции и коммуникации, в данном случае политического свойства, а определенное (общее) отношение социума к этим объектам, выражаемое в повторяющихся когнитивно-коммуникативных ситуациях на фоне и в рамках выработанных культурно-исторических традиций. Понимание высказываний, содержащих подобные вербально-визуальные элементы, требует знания «ситуационного контекста», «чья семиотическая структура, в свою очередь, детерминирована контекстом культуры» [Гаврилова 2016: 104].

В логике лингвокультурологических рассуждений эти слова обозначают так называемые ментефакты, которые связаны «с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия» [Красных 2016: 379]. Будучи именами определенных ментефактов, рассматриваемые вербальные единицы представляют собой «тела знаков “языка” культуры» [Красных 2016: 380]. К отличительным контекстуально-модальным признакам обсуждаемых информативно-коммуникативных элементов относится также то, что они имеют хождение внутри определенного вида дискурса (в данном случае политического) общего этнокультурного пространства, что позволяет говорить об их функционально-стилистической маркированности.

В список дискурсивных функций названных полимодальных коммуникативных средств входят следующие: информационная (представление на политической сцене определенной политической силы); функция привлечения внимания; функция идентификации (маркирование принадлежности к некоей партии, идеологии); персуазивная, то есть воздействующая, функция.

4. Театральность как дискурсообразующий признак политики и мультимодальный характер ее реализации

Среди системообразующих признаков политического дискурса, при реализации которых наряду с вербальными интенсивно используются невербальные семиотические ресурсы, следует особо выделить театральность. Известно, что театральность как культур-

ная константа, уходящая корнями в античность [Степанов 2004: 948–960], вообще сопровождает человека в том или ином виде всю его жизнь (ср. расхожую цитату из Шекспира: «Весь мир — театр»; «*All the world's a stage*»). Для политических же акторов, постоянно борющихся в условиях публичной агональности за власть, то есть за общественное признание и влияние, театральность становится имманентной составляющей всех видов действий, «проигрываемых» обычно по заранее продуманному плану-сценарию на глазах «клиента» политики, который в роли адресата-наблюдателя «воспринимает политические события как некое разыгрываемое для него действо» [Шейгал 2004: 62–66] и часто приходит к собственным политическим выводам, опираясь не столько на то, **что** говорят политики, а на то, **как, где и когда** они говорят и **как** они ведут себя при этом. Как справедливо отмечает немецкий исследователь Г. Юдинг по отношению к публичным выступлениям политиков, «прямой контакт, пожатие рук, поднятие на руки ребенка, спонтанные обращения к слушателям — на самом деле симуляция, результат хорошо продуманного спектакля» (нем. «*Der direkte Kontakt, das Händeschütteln, Kinder-Hochheben, Zuhörer-Ansprechen sind in Wahrheit Simulationen, Ergebnisse sorgfältiger Inszenierung*») [Ueding 2009: 89].

Разные формы театрализации в политике особенно интенсивно разрастаются в наше время вследствие прежде всего усиления социально-политической роли массмедиа, в первую очередь телевидения и интернета. Подтверждением этого можно считать как многочисленные прямые телевизионные трансляции заседаний государственных и партийных органов, так и все большее число пресс-конференций, ток-шоу, дебатов и интервью, позволяющих массовой публике в качестве зрителей непосредственно наблюдать за действиями политиков. Самим политикам подобные массмедийные мероприятия, проходящие, как правило, по тщательно продуманным сценариям, помогают в процессах борьбы за власть или ее публичной демонстрации реализовать в той или иной степени все стороны личной харизмы (а именно, уже отмеченные выше присутствие, силу, теплоту) и доступного им риторического мастерства, включая и соответствующее коммуникативной ситуации интонационно-звуковое модулирование речи, и продуманный внешний облик, и «язык тела». Симультанное сочетание этих невербальных семиотических ресурсов с речевым поведением политических ак-

торов обеспечивает более эффективное персуазивное воздействие их информационно-коммуникативной деятельности на клиентов политики, которое вместе с тем нередко является и проявлением манипулятивной стратегии действующего политического лица.

Многие немецкие исследователи пишут о стремительном превращении современного социума Германии в «общество инсценирования» (нем. *Inszenierungsgesellschaft*), об «эстетизации социального и политического мира» («*Ästhetisierung der sozialen und politischen Welt*») и о перерастании прежней политики, «ориентированной на целесообразность и принятие решений, имеющих обязательную силу» («*sachbezogene, auf verbindliche Entscheidungen bezogene Politik*»), в «политику символов» («*symbolische Politik*») и шоу-бизнес. Согласно их наблюдениям, для того чтобы добиться успеха в борьбе за власть и приобрести известность в обществе, современные политические деятели должны обладать «актерскими способностями» («*darstellerische Qualitäten*») [Meyer 2004] (см. также: [Meyer et al. 2000: 183–208; Schicha 2007: 160 ff.]).

Необходимость постоянного пребывания в хорошей «актерской» форме признают и сами политические деятели. Так, бывший канцлер ФРГ (1982–1998) Гельмут Коль, имевший определенные «сценические» трудности в общении с представителями масс-медиа, в своих «Воспоминаниях» описывал их следующим образом:

Sobald ich mich außerhalb der eigenen Wände bewegte, befand ich mich unter öffentlicher Kontrolle, häufig im Scheinwerferlicht der Fernsehkameras. Die Journalisten in Bonn waren unablässig auf der Suche nach politischen Schwachstellen, nach Fehlern, nach Skandalen. Zusätzlicher Aufregung bedurfte es also eigentlich nicht, aber natürlich gab es sie trotzdem immer wieder [Kohl 2005: 367]. — «Все время, когда я был вне стен моего дома, я находился в зоне публичного контроля, часто под прожекторами телевизионных камер. Журналисты в Бонне неустанно выискивали слабые места, просчеты политика, скандалы. Это, казалось бы, не должно было вызывать дополнительного волнения с моей стороны, но оно, естественно, все равно постоянно возникало».

В другом фрагменте «Воспоминаний» Г. Коль не без самоиронии признает справедливость бытующего в немецких массмедиа прямого и образного сравнения его политической фигуры со «слоном в посудной лавке», объясняя это прямолинейностью своих полити-

ческих действий, производимых без стремления вызвать симпатии журналистов:

Wegen meiner ehrgeizigen Verhandlungsstrategie und weil ich absolut gelassen die deutschen Interessen vertrat, galt ich als Elefant im Porzellanladen. Schon meines körperlichen Umfangs wegen bot ich mich offenbar für einen solchen Vergleich an [Kohl 2005: 1079]. — «Из-за моей честолюбивой стратегии и абсолютного спокойствия, с которым я представлял немецкие интересы на переговорах, я слыл слоном в посудной лавке. Очевидно, поводом для этого послужили и внушительные размеры моей фигуры».

Как видим, высказывание политика имеет в прагмасемантическом аспекте полимодальный характер, так как смысл сравнения, содержащегося в его рематической части, вытекает, с одной стороны, из оценки ментально-речевых действий субъекта «я» (*Verhandlungsstrategie... absolut gelassen die deutschen Interessen vertrat*), а с другой — из вербализованной ассоциации с его телесными размерами.

Прагматическая близость политики и театра находит свое отражение в большом числе «театральных» тропов, используемых в политическом дискурсе с разными видами как положительных, так и отрицательных коннотаций. Подобные ассоциативные переосмысления, например: сцена (*Bühne, Szene*), выступление (*Auftritt*), марионетка (*Marionette*), балаган (*Kasperletheater*), дилетант в политике (*Laie*), клоун, клоунада (*Clown, Clownerie*), маска (*Maske*), роль (*Rolle*), публика (*Publikum*) и др., — являются в этнокультурном коллективном тезаурусе вербальным лексико-семантическим «следом» повторяющихся публичных зрелищ или, точнее, инсценировок, в форме которых нередко осуществляется политическая жизнь.

Спутствующие речевой деятельности политиков коммуникативные тактики театрализации, которые базируются в первую очередь на паралингвистических сигналах (модуляции голоса, риторические паузы в речи, ускорение или замедление темпа речи, голосовые каденции и др.) и/или символикe «языка тела» (подчеркнуто ровная осанка; высоко поднятая голова; прямой взгляд «глаза в глаза» или прищуренные глаза; V-образное движение пальцами на поднятой вверх руке; большой и указательный пальцы, сведенные в кольцо; указательный палец, поднятый вверх; твердо сжатый кулак), а также на невербальных коммуникативных актах (демон-

стративный уход из телевизионной студии; преклонение перед памятником; возложение венков и т. д.), как правило, имеют целенаправленный персуазивный характер, что уже отмечалось выше. Они формируют в том числе имидж политика, который, как известно, включает в себя не только организацию и построение его речевых действий, но и искусно обыгрываемые индивидуально-психологические черты (темперамент, открытость или закрытость, эмоциональность или сдержанность и др.), а также вырабатываемые с помощью политтехнологов и имиджмейкеров особенности внешнего облика и поведения личности.

Так, например, многие журналисты интерпретируют «бесстилие» и традиционность внешнего облика, поддерживаемые бывшим канцлером ФРГ (2005–2021) Ангелой Меркель и ее имиджмейкерами, как «сложно считываемый знак» — осознанный способ общения с миром, обусловленный демонстративным нежеланием выдвигать на первый план собственное (женское) «я» и стремление, в отличие от ее политического соперника, «шикарного Шрёдера», подчеркивать своим видом «лишь функцию, а не новый “костюм героя”» [Аболенкин 2018: 52–54]. Другими словами, кажущееся невнимание к собственной внешности и в этом случае является важной прагматической компонентой коммуникативного поведения А. Меркель, входящей в продуманный сценарий ее выступлений перед публикой.

Следующий пример также подтверждает тот факт, что политики относятся к своим публичным выступлениям как театральные актеры и стратегически планируют не только их собственно речевую часть, но и общий антураж мероприятия. Франц Йозеф Штраус, многолетний председатель Христианско-социального союза (1949–1988) и премьер-министр Баварии (1978–1988), посвятил в своих «Воспоминаниях» целую главу искусству политической речи [Strauß 1989: 159–180].

Приведем в качестве практической аргументации наших рассуждений о персуазивном потенциале мультимодально организованного политического дискурса некоторые, наиболее значимые, фрагменты этой главы:

Zur erfolgreichen Rhetorik gehört, nie den Kontakt zu den Zuhörern, sei es einige hundert oder viele tausend, zu verlieren. Die Augen sind dafür das wichtigste Instrument. Wenn ich mich in ein Redemanuskript verliere,

geht der Kontakt verloren, was ich sofort merke — es ist, als würde der Strom ausgeschaltet. <...>

Wichtig für den Redner ist der äußere Rahmen: dass der Saal in Ordnung ist, dass die Akustik stimmt und dass es kein Kommen und Gehen gibt. Die Technik muss funktionieren, schlecht eingestellte Lautsprecher können eine ganze Rede kaputtmachen. Es ist besser, in einem kleinen Raum zu sprechen, der überfüllt, als in einem großen Raum, der halbleer ist, selbst wenn man dort mehr Zuhörer hat. <...>

Es wird oft darüber geklagt, dass Reden von Politikern sehr langweilig seien und nichts anderes böten als langatmige Aufzählungen echter oder vermeintlicher Erfolge der Regierenden und echter oder vermeintlicher Versäumnisse der Opposition. Dies hängt damit zusammen, dass solche Reden weitgehend ohne Risiko sind. Weit riskanter ist es, die breite Vielfalt des Sarkasmus, der Ironie, des Witzes, die Möglichkeiten der kunstvollen Pause, des Tempowechsels und der Satzmelodie zum Einsatz zu bringen. <...>

Wir haben in der Schule oft über unseren Religionslehrer gelacht, einen guten, ausgezeichneten Geistlichen und gütigen Lehrer, der immer mit den Händen geredet hat. Damals war es für mich ein Gegenstand der Belustigung, heute weiß ich, dass ich beim Reden ohne die Hände gar nicht auskäme. Allerdings darf diese Gestik nicht künstlich und aufgesetzt wirken, sie muss zum natürlichen Ausdruck gehören und auch als natürlich empfunden werden. <...>

Der Beifall bei einer Rede ist ungeheuer wichtig. Manchmal ist es besser, auch zur Gewinnung einer Atempause, den Applaus ausklingen zu lassen, ein anderes Mal ist es geboten, den Beifall zu unterbrechen, ihm die Spitze zu nehmen und auf der Woge der Zustimmung fortzufahren <...>“ [Strauß 1989: 164–176].

«Одно из правил успешной риторики состоит в том, чтобы никогда не терять контакта со слушателями, будь их несколько сотен или много тысяч. Глаза для этого — важнейший инструмент. Если уставиться на текст речи, то контакт со слушателем потеряется, что сразу же замечаешь — как будто выключили электричество. <...>

Важны для оратора внешние рамки: чтобы зал был в порядке, чтобы была хорошая акустика, чтобы не было хождений туда-сюда. Техника должна функционировать, плохо настроенные громкоговорители могут погубить всю речь. Лучше выступать в небольшом переполненном зале, чем в большом, но полупустом, даже если там больше слушателей. <...>

Часто слышны жалобы на то, что речи политиков очень скучны. В них якобы нет ничего, кроме длинных перечислений подлинных или мнимых успехов правящих сил и подлинных или мнимых просчетов оппозиции. Это объясняется тем, что ораторы не хотят рисковать. Ведь гораздо рискованнее прибегнуть к богатой палитре сарказма, иронии, юмора, возможностям искусной паузы, изменению темпа речи и мелодики высказывания. <...>

В школе мы часто смеялись над учителем религии, хорошим, добрым учителем и примерным священнослужителем, который всегда жестикулировал, когда говорил. Тогда это было для меня предметом веселья, сегодня же я знаю, что не могу во время выступлений обойтись без жестикуляции. Правда, эта жестикуляция не должна производить впечатления искусственности и чрезмерности, она должна выражать искренность и восприниматься как естественное выражение чувств. <...>

При произнесении речи очень важны аплодисменты. Иногда, чтобы дать себе передышку, лучше подождать, пока они совсем не затихнут, а иногда их надо прервать в самом разгаре и продолжить речь на волне всеобщего одобрения».

Как видим, Ф. Й. Штраус, исходя из персонального многолетнего опыта публичных выступлений в качестве общепризнанного блестящего оратора, говорит об обязательном учете политиком всех сторон выступления, как вербальных, так и невербальных, которые совместно усиливают воздействие политической речи на публику и в целом успешность действий политика.

5. Выводы

Проведенный анализ использования разных видов полимодальности в политической коммуникации современной Германии позволяет утверждать, что для этого вида социального дискурса характерно интенсивное симультанное и комплементарное взаимодействие речевого поведения политических акторов с такими семиотическими ресурсами, как визуальные цветовые символы и лингвоцветовые вторичные номинации, паралингвистические сигналы, детали внешнего облика речевого субъекта, разнообразные формы «языка тела» и др. Персуазивный потенциал средств полимодальной организации политического дискурса обусловлен прежде всего имманентно присущими этой коммуникативной

сфере агональностью и театральностью общения, которые, в свою очередь, вытекают из основополагающих прагматических установок действующих лиц политики: борьба за власть, ее удержание и за политическое влияние в обществе, информационно-пропагандистское (нередко манипуляционное) воздействие на массового адресата, социализация граждан и их вовлечение в политическую жизнь общества.

Источники иллюстративного материала

- I. *Kohl H.* Erinnerungen. 1982–1990. München: Droemer, 2005. 1134 S.
- II. *Strauß F.J.* Die Erinnerungen. Berlin: Siedler, 1989. 575 S.

Литература

1. *Аболенкин А. А.* Торжествующая обыденность // Обыкновенные судьбы необыкновенных людей (Story). 2018. № 10 (117). С. 52–54.
2. *Андерсен П.* Как читать язык тела и жестов / пер. с англ. А. Давыдовой. М.: АСТ, Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 446, [2] с.: ил.
3. *Гаврилова М. В.* Социальная семиотика: теоретические основания и принципы анализа мультимодальных текстов // Политическая наука (Political Science). 2016. Вып. 3: Политическая семиотика. С. 101–117.
4. *Голоднов А. В.* Риторический метадискурс. Основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка). СПб.: Астерион, 2011. 344 с.
5. *Гончарова Е. А.* Теория и практика стилистического анализа (Theorie und Praxis der Stilanalyse). М.: Академия, 2010. 352 с.
6. *Грачев М. Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: монография. М.: Прометей, 2004. 328 с.
7. *Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов / под редакцией Ю. И. Александрова, В. Д. Соловьева. Вып. 4. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 135–152.
8. *Красных В. В.* Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
9. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
10. *Курьянович А. В., Драгунайте А. В.* Место и роль визуального языка в современной коммуникации (на примере креолизованных рекламных текстов) // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. № 4 (157). С. 153–157.
11. *Москвин В. П.* Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения. М.: Либроком, 2012. 216 с.

12. Степанов Ю. С. Весь мир — театр // Константы. Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 948–960.

13. Фокс Кабейн О. Харизма: Как влиять, убеждать и вдохновлять. Пер. с англ. 3-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2015. 307 с.

14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

15. Bucher H.-J. Multimodales Verstehen oder Rezeption als Interaktion. Theoretische und empirische Grundlagen einer systematischen Analyse der Multimodalität // Diekmanshenke H., Klemm M., Stöckl H. (Hg.). Bildlinguistik. Theorie — Methoden — Fallbeispiele. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011. S. 123–156.

16. Halliday M. A. K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.

17. Meyer Th. Die Theatralität der Politik in der Mediendemokratie. 2004. <http://www.bpb.de/apuz/27196/die-theatrlitaet-der-politik-in-der-mediendemokratie> (дата обращения: 24.10.2021).

18. Meyer Th., Ontrup R., Schicha Chr. Die Inszenierung des politischen Weltbildes. Politikinszenierung zwischen medialem und politischem Eigenwert. Fischer-Lichte E., Pflug J. (Hrsg.). Inszenierung von Authentizität. Tübingen: Francke, 2000. 208 S.

19. Mondada L. Challenges of Multimodality: Language and the body in social interaction // Journal of Sociolinguistics. 2016. Vol. 20, iss. 3. P. 336–366. https://doi.org/10.1111/josl.1_12177

20. Schicha Chr. Legitimes Theater? Inszenierte Politikvermittlung für die Medienöffentlichkeit am Beispiel der „Zuwanderungsdebatte“. Münster: LIT, 2007. 475 S.

21. Schüler B. Farben als Wegweiser in der Politik. 2006. <http://www.bpb.de/apuz/29753/farben-als-wegweiser-in-der-politik> (дата обращения: 24.10.2021).

22. Schulz W. Politische Kommunikation. Theoretische Ansätze und Ergebnisse empirischer Forschung. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. 388 S.

23. Stöckl H. Multimodalität — semiotische und textlinguistische Grundlagen // Handbuch Sprache im Multimodalen Kontext / hrsg. von Nina-Maria Klug und Hartmut Stöckl. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. P. 3–35. <https://doi.org/10.1515/9783110296099-002>

24. Ueding G. Moderne Rhetorik. Von der Aufklärung bis zur Gegenwart. München: C. H. Beck, 2009. 135 S.

References

1. Abolenkin A. A. Triumphant routine. *Obyknovennye sud'by neobyknovennykh liudei (Story)*, 2018, no. 10 (117), pp. 52–54. (In Russian)

2. Andersen P. *The Complete Idiot's Guide to Body Language*; transl. by A. Davydova. Moscow, AST, Astrel; Wladimir, WKT, 2011, 446, [2] p.; il. (In Russian)

3. Bucher H.-J. Multimodales Verstehen oder Rezeption als Interaktion. Theoretische und empirische Grundlagen einer systematischen Analyse der Multimodalität. Diekmanshenke H., Klemm M., Stöckl H. (Hg.). *Bildlinguistik. Theorie — Methoden — Fallbeispiele*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2011, S. 123–156.

4. Fox Cabane O. *The Charisma Myth: How Anyone Can Master the Art and Science of Personal Magnetism*; transl. from English. 3rd ed. Moscow, Alpina Publisher, 2015, 307 p. (In Russian)

5. Gavrilova M. V. Social semiotics: theoretical foundations and principles of analysis of multimodal texts. *Politicheskaja nauka (Political Science)*, 2016, iss. 3: *Politicheskaja semiotika*, pp. 101–117. (In Russian)

6. Golodnov A. V. *Rhetorical methadiscourse. The foundations of pragmalinguistic modeling and socio-cultural implementation (based on the material of the modern German language)*. St Petersburg, Asterion Publ., 2011, 344 p. (In Russian)

7. Goncharova E. A. *Theory and practice of stylistic analysis (Theorie und Praxis der Stilanalyse)*. Moscow, Akademia Publ., 2010. 352 p.

8. Grachev M. N. *Political communication: theoretical concepts, models, vectors of development: a monograph*. Moscow, Prometei Publ., 2004, 328 p. (In Russian)

9. Halliday M. A. K. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. London, Edward Arnold, 1978, 256 p.

10. Kibrik A. A. *Multimodal linguistics. Kognitivnye issledovaniia: sbornik nauchnykh trudov*, ed. by Iu. I. Aleksandrov, V. D. Solov'ev. Moscow, Institut psichologii RAN Publ., 2010, iss. 4, pp. 135–152. (In Russian)

11. Krasnykh V. V. *Dictionary and grammar of linguistic culture: Fundamentals of psycholinguoculturology*. Moscow, Gnozis Publ., 2016, 496 p. (In Russian)

12. Kreidlin G. E. *Non-verbal semiotics*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, 592 p. (In Russian)

13. Kur'ianovich A. V., Dragunaite A. V. Place and role of visual language in modern communication (illustrated creolized advertising texts). *Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta (TSPU Bulletin)*, 2015, no. 4 (157), pp. 153–157. (In Russian)

14. Meyer Th. *Die Theatralität der Politik in der Mediendemokratie*. 2004. <http://www.bpb.de/apuz/27196/die-theatralitaet-der-politik-in-der-mediendemokratie> (accessed: 24.10.2021).

15. Meyer Th., Ontrup R., Schicha Chr. Die Inszenierung des politischen Weltbildes. Politikinszenierung zwischen medialem und politischem Eigenwert. Fischer-Lichte E., Pflug J. (Hrsg.). *Inszenierung von Authentizität*. Tübingen, Francke, 2000, 208 S.

16. Mondada L. Challenges of Multimodality: Language and the body in social interaction. *Journal of Sociolinguistics*, 2016, vol. 20, iss. 3, pp. 336–366. https://doi.org/10.1111/josl.1_12177

17. Moskvina V. P. *Rhetoric and theory of communication: Types, styles and tactics of speech communication*. Moscow, Librokom Publ., 2012, 216 p. (In Russian)

18. Schicha Chr. Legitimes Theater? Inszenierte Politikvermittlung für die Medienöffentlichkeit am Beispiel der „Zuwanderungsdebatte“. Münster, LIT, 2007, 475 S.

19. Schüler B. *Farben als Wegweiser in der Politik*. 2006. <http://www.bpb.de/apuz/29753/farben-als-wegweiser-in-der-politik> (accessed: 24.10.2021).

20. Schulz W. *Politische Kommunikation. Theoretische Ansätze und Ergebnisse empirischer Forschung*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011, 388 S.

21. Sheigal E. I. *Semiotics of political discourse*. Moscow, Gnozis Publ., 2004, 326 p. (In Russian)

22. Stepanov Iu. S. All the world's a stage. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury*. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004, pp. 948–960. (In Russian)

23. Stöckl H. Multimodalität — semiotische und textlinguistische Grundlagen. *Handbuch Sprache im Multimodalen Kontext*, hrsg. von Nina-Maria Klug und Hartmut Stöckl. Berlin, Boston, De Gruyter, 2016, S. 3–35. <https://doi.org/10.1515/9783110296099-002>

24. Ueding G. *Moderne Rhetorik. Von der Aufklärung bis zur Gegenwart*. München, C. H. Beck, 2009, 135 S.

Гончарова Евгения Александровна

профессор кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Evgenia A. Goncharova

Professor, German Philology Department, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Doctor of Philological Sciences
Address: 48, nab. r. Moiki, St Petersburg, 191186, Russian Federation

E-mail: eagon@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 17 января 2022 г.

Принята к публикации 26 апреля 2022 г.